

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра политологии

Монархическая форма правления в странах Европы
Курсовая работа

Стародумова Никиты Александровича
студента 2 курса, 14 группы
специальность «Политология»
очная форма обучения

(подпись студента)

Научный руководитель:
доцент, доктор юридических наук
Лагун Д.А.

Минск, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Монархия – это форма правления, при которой вся полнота государственной власти сосредоточена в руках одного человека – монарха (царя, короля, шаха, императора, султана и т.п.), который выполняет функции и главы государства, и законодательной, и во многом исполнительной власти.

Институт монархии составляет реальный элемент - по крайней мере, в качестве внешней политико-юридической характеристики конституционного строя более чем четверти всех современных государств Европы. В то же время все европейские монархические государства представляют собой образцы современного, с развитой политической и правовой культурой государственного устройства, сложившегося в результате политически эволюционных процессов Нового и Новейшего времени, а собственно монархии в них - исторически традиционные формы правления.

Практически все светские европейские монархии в их современном виде сложились в итоге двух исторических волн политического обновления и вызванного им государственного переустройства:

1) преобразования абсолютизма в ограниченные конституционные монархии в первой половине XIX столетия.

2) дальнейшей эволюции в так называемые парламентские монархии в XX столетии. Эти две «волны» характеризуют не только два исторически своеобразных этапа, но и два сменяющих один другой государственных типа монархии, которые принято выделять в качестве возможных в рамках современного государственного устройства.

Большинство монархических государств обрели современную форму в ходе конституционного обновления уже второй половины XX в. и в этом смысле принадлежат к типу парламентской монархии, среди властных государственных институтов которой собственно монархии по определению оставлено лишь подчиненное, а иногда условное место.

Вместе с тем обозначение ряда государств Европы как парламентских монархий в настоящих условиях не может служить достаточной или исчерпывающей характеристикой их государственного устройства - имея в виду не только вполне закономерное расхождение формально-юридических свойств конституционного строя с реальностью государственно-правовых отношений, но и само качество конституционной правоспособности монархии относительно других институтов парламентского строя.

Актуальность темы курсовой состоит в том, что и на современном этапе мир не собирается отказываться от монархической формы правления, даже, напротив, во многих странах существуют движения в поддержку монархии.

Целью курсовой работы является: анализ особенности и роль монархии в современной Европе.

Для достижения цели курсовой работы необходимо решение следующих задач:

- 1) анализ монархии как одной из видов формы правления;
- 2) дать общую характеристику монархии;

- 3) выделить функции и роль монархии в современной Европе;
- 4) выделить юридические особенности престолонаследия в зависимости от вида монархии;
- 5) выделить основные виды монархии в современной Европе;

Исходя из цели и задач исследования, объектами анализа в процессе написания данной курсовой работы являются: монархия как одна из видов формы правления.

В качестве методов выступают: анализ; обобщение; статистический; формализация; индукция; дедукция.

ГЛАВА 1. ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОНАРХИИ

Раздел 1.1. Понятие и виды монархии

Монархия (от греч. monarchía — единовластие, единодержавие), в эксплуататорских государствах форма правления, при которой верховная государственная власть формально (полностью или частично) сосредоточена в руках единоличного главы государства — монарха. Монархическая форма правления существовала в рабовладельческом и феодальном обществе, она сохранилась и в ряде буржуазных государств [11].

Основными признаками классической монархической формы правления являются:

- существование единоличного главы государства, пользующего своей властью пожизненно;
- наследственный порядок преемственности верховной власти;
- представительство государства монархом по своему усмотрению;
- независимость монарха от мнения населения государства;
- монарх не может быть принудительно смещен с должности (кроме революционного переворота);
- юридическая безответственность и независимость монарха, которую подчеркивает институт контрасигнатуры (порядок, при котором утвержденные монархом законы подлежат обязательному заверению подписью премьер-министра, реже одного из министров, ответственного за исполнение данного закона).

Монархическая форма правления возникла еще при рабовладельческом строе и продолжала развиваться со временем. При феодализме она стала основной формой государственного правления. В буржуазном же обществе сохранились лишь традиционные, в основном формальные черты монархического управления. Тем не менее, монархии существуют и поныне, существенно отличаясь от начальной формы они все же сохраняют (часто «только на бумаге») свои основные черты.

Теоретически монархии делятся на два основных вида: неограниченные (абсолютные) и ограниченные. Монархия наряду с республикой является одной из двух форм правления, известных теории государства и права. Власть монарха, как правило, является пожизненной и передается в порядке престолонаследия [16].

Престолонаследие – переход власти монарха от одного представителя царствующего дома (династии) к другому в установленном законом порядке. В настоящее время существуют три основные системы престолонаследия. Салическая система сводится к тому, что наследование осуществляется только по мужской линии. Женщины из круга престолонаследников исключаются полностью (Швеция). Кастильская система не исключает женщин из очереди престолонаследия, но отдает предпочтение мужчинам: младший брат исключает старшую сестру (Великобритания). Австрийская система не исключает женщин, но дает мужчинам и мужским линиям преимущество во

всех линиях и во всех степенях родства. Женщины наследуют престол лишь при полном пресечении всего мужского потомства и всех мужских линий. В некоторых арабских странах существует так называемая "клановая" форма престолонаследия, когда наследника избирает правящая семья. Другой важной формой правления является регентство – временное коллегиальное или единоличное осуществление полномочий главы государства в монархиях в случае продолжительной болезни, малолетства, или временного отсутствия монарха.

В зависимости от принципа наследования власти монархия может быть династической, родовой и выборной.

В династической монархии действует строгий принцип, в соответствии с которым престол передается от отца к сыну или от брата к брату, как это было на Руси. Гораздо чаще нам встречается родовая монархия, где действовал принцип принадлежности к царскому роду. Царь должен был происходить из царского рода, но это вовсе не означало, что он автоматически наследовал престол [1].

Особая разновидность монархии – выборная, сочетающая элементы монархии и республики. Выборная монархия была и в Византии. Она не является редкостью. В Экваториальной Африке до сих пор совет старейшин избирает племенных королей сроком на год, а через год этот совет вновь подтверждает или не подтверждает полномочия избранного короля. В настоящее время выборная монархия существует и в Малайзии, где главой государства является монарх, избираемый на пять лет особым совещанием из представителей монархических штатов, входящих в федерацию.

Формы государственного правления — это структура высших органов государственной власти, порядок их образования и распределения компетенции между ними. Различаются две формы правления:

1) монархия (древневосточная, римская централизованная, средневековая раннефеодальная, сословно - представительная, абсолютная, современная конституционная);

2) республика (афинская демократическая, римская аристократическая, спартанская аристократическая, средневековые города республики, современные парламентские, президентская, социалистическая) [14].

Под влиянием особенностей внутренних и внешних факторов многие государства, используя различные способы перехода от одного типа государства к другому, посчитали необходимым избрать иные формы государственного правления. Из существующих ныне 220 государств мира (из них только 191 являются членами ООН) на сегодняшний день в 28 сохранена монархическая форма правления.

Основными признаками классической монархической формы управления являются:

1) существование единоличного главы государства, пользующегося своей властью пожизненно (царь, король, император, шах, эмир, раджи, султан, фараон);

2) наследственный порядок преемственности верховной власти;

3) юридическая безответственность монарха (невозможность применения к нему процесса импичмента). Впрочем, история подавляющего большинства государств знает многочисленные примеры «удачных» заговоров против них и революционных ситуаций. Достаточно вспомнить судьбу некоторых российских царей (Павел I, Александр II, Николай II).

В то же время возможные отходы от установившихся классических канонов. Например, институт монархии в Камбодже отличается от того, который существует в Европе. Королевская власть не является наследственной в обязательном порядке. Также как и в Европе, его правовой статус в большей степени носит церемониальный характер. Трон короля не переходит к старшему наследнику. Новый монарх назначается девятью членами тронного совета. Следует отметить, что среди монархов рекордсменом — долгожителем по продолжительности нахождения на престоле является император Австро-Венгрии [2].

Рассмотрим виды монархии. Традиционно выделяется следующая классификация:

1) абсолютная монархия — форма правления, при которой верховная государственная власть по закону всецело принадлежит одному лицу. По формуле Петровского Воинского устава — «самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен». Основным признаком абсолютной монархии является отсутствие каких либо государственных органов, ограничивающих компетенцию монарха.

Возникновение абсолютизма связано с процессом зарождения буржуазных от ношений, начинающимся процессом разложения феодализма и старых феодальных сословий. К наиболее существенным чертам абсолютной монархии относится ликвидация или полный упадок сословных представительных учреждений, юридически неограниченная власть монарха, наличие в его непосредственном подчинении и распоряжении постоянной армии, полиции и развитого бюрократического аппарата. Власть в центре и на местах принадлежит не крупным феодалам, а чиновникам, которые могут назначаться и увольняться монархом. Государственное вмешательство в частную жизнь в эпоху абсолютизма приобретает более цивилизованные формы, получает юридическое закрепление, хотя по прежнему имеет принудительную направленность. В мировой истории, например, такими странами были Россия XVII—XVIII и Франция до революции 1789 г. На сегодняшний день в мире насчитывается восемь абсолютных монархий Бруней, Ватикан, Саудовская Аравия, Оман, Катар и др.

2) конституционная монархия представляет собой форму правления, при которой власть монарха значительно ограничена представительным органом. Обычно это ограничение определяется конституцией, утверждаемой парламентом. Монарх не вправе изменить конституцию. Конституционная монархия возникает в период становления буржуазного общества. Формально она не утратила своего значения в ряде стран Европы и Азии до настоящего времени Англия, Дания, Испания, Норвегия, Швеция др. Конституционная монархия бывает:

- А) парламентской
- Б) дуалистической.

Парламентская монархия характеризуется следующими основными признаками:

- 1) правительство формируется из представителей определенной партии (или партий), получивших большинство голосов на выборах в парламент;
- 2) лидер партии, обладающий наибольшим числом депутатских мест, становится главой государства;
- 3) в законодательной, исполнительной и судебной сферах власть монарха фактически отсутствует и является символической;
- 4) законодательные акты принимаются парламентом и формально подписываются монархом;
- 5) правительство, согласно конституции, несет ответственность не перед монархом, а перед парламентом.

Примерами такой монархии можно считать Великобританию, Бельгию, Данию.

При дуалистической монархии государственная власть носит двойственный характер. Юридически и фактически власть разделена между правительством, формируемым монархом и парламентом. Правительство в дуалистических монархиях формируется независимо от партийного состава в парламенте и не ответственно перед ним. Монарх при этом выражает преимущественно интересы феодалов, а парламент представляет буржуазию и другие слои населения. Подобная форма правления существовала в кайзеровской Германии (1871—1918), а сейчас в Марокко [10].

В некоторых государствах монарх осуществляет не только светское, но одновременно и религиозное управление страной. Такие монархии называются теократическими (Саудовская Аравия).

3) теократические монархии - на всех его управленческих уровнях, а также на организацию и характер взаимодействия всех ветвей государственной власти. По форме правления Ватикан - абсолютная теократическая монархия.

Глава государства - Папа Римский, имеющий среди прочих титулы Верховного главы (понтифика) церкви (Sommo Pontefice) и монарха ватиканского государства. Он избирается пожизненно коллегией кардиналов, как правило, из числа кардиналов тайным голосованием большинством в 2/3 голосов плюс один голос не позднее чем через 18 дней после смерти предыдущего Папы. Папе принадлежит вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти. В его компетенцию входит представление Ватикана в международных отношениях, заключение, ратификация и денонсация международных договоров и конкордатов, прием и назначение дипломатических представителей [19].

Законодательная власть в соответствии с Основным законом 2000 г. делегируется Папой постоянно действующей Комиссии кардиналов, состоящей из Кардинала-президента и других кардиналов, назначаемых Папой сроком на 5 лет. Кардинал-президент может издавать ордонансы в исполнение законов.

К высшим консультативным органам Ватикана относятся: Вселенский собор Римско-католической церкви, Коллегия кардиналов и Синод епископов. Вселенский собор представляет собой собрание епископов католической церкви, созываемое Папой для решения важных церковных вопросов.

Исполнительная власть, согласно Основному закону, делегируется Папой Кардиналу-президенту, который обязан выносить наиболее важные вопросы на обсуждение Комиссии кардиналов (см. выше). Практическое руководство политической, экономической и религиозной деятельностью ватиканского государства и католической церкви осуществляет Римская курия - своего рода правительство Ватикана. Главой этого органа является Государственный секретарь [20].

4) Еще один вид монархии – деспотия. Король Франции Людовик XVI, которому принадлежит знаменитая фраза: «Государство – это я!», утверждал, что «тот, кто даровал королей, желал, чтобы их чтили, как Его заместителей, и одному ему предоставляется право судить об их поступках. Его воля заключалась в том, чтобы всякий рожденный подданный повиновался без рассуждений».

Монтескье пытался отделить монархию от деспотии. Принцип взаимоотношений основывался на чести, которая заменяет политическую добродетель. В монархии источником всякой политической и гражданской власти является государь, и «власти посредствующие, подчиненные и зависимые образуют природу монархического правления, т.е. такого, где правит одно лицо посредством основных законов». «В монархии, где нет дворянства, монархия становится деспотией, а монарх – деспотом». Монтескье считал, что положение и размер государства серьезно влияют на форму правления. Напрочь отрицая деспотию, как форму правления, Монтескье полагал, что монархия управляемая по твердым законам, пригодна для стран с большой территорией (Россия), а республика где с наибольшей полнотой обеспечивается свобода и равноправие народа, возможна только в странах с малой территорией.

Раздел 1.2 Функция и роль монархии в современном мире, принципы престолонаследия

Статус монархии во всех европейских монархических государствах определен на основе писаных конституционных актов XIX и, главным образом, XX в. (только для Великобритании это акты XVII-XVIII вв. и конституционные обычаи позднейшего времени). За исключением двух октроированных - Основного закона Ватикана 2001 г. и Конституции княжества Монако 1962 г. - все прочие конституционные акты были утверждены или в качестве конституционных соглашений с национальным представительным органом, или прямо основаны на той или иной форме политически оформленного (в виде референдума или того или иного голосования) народного выбора. В связи с этим небезосновательно замечание видного французского конституционалиста М. Прело, что в силу этого современные монархии ранее прочего должны быть

характеризованы если не как избирательные, то как выборные, - по крайней мере, по отправному конституционному определению.

Конституционное определение основ государственного устройства и, соответственно, изначальное место института монархии (что является если не всецело юридически определяющим, то, по крайней мере, показательным моментом в уяснении правовой позиции) в конституционных актах европейских монархий представлено по-разному. Это отражает не только различные традиции конституционно-правовых доктрин, но и различия исходного отношения к государственной функции и роли монарха, характерные для разных типов новой монархии [21].

В этом отношении доминируют два подвида конституционных позиций. Одна позиция, общая для выраженных парламентских монархий, либо умалчивает о первоопределении принципа государственного строя и характеризует монарха только как главу государства: конституции Бельгии (косвенно согласно ст. 87), Швеции (ст. 5), либо совмещают такую характеристику с декларацией устройства в виде «парламентской монархии» (Конституция Испании, ст. 1.3 и 56.1) или «парламентского режима правления» (Конституция Андорры, ст. 4). Вторая позиция декларированно определяет государство как «королевство» (Великобритания) или «герцогство» (Люксембург) либо оперирует несколько более юридически значимыми понятиями о «конституционной монархии» как форме правления (Конституция Дании, ст. 2; сходно: Конституция Лихтенштейна, ст. 2), «ограниченной и наследственной монархии» (Конституция Норвегии, ст. 1), «наследственной и конституционной монархии» как «принципе правления» (Конституция Монако, ст. 2). Показательно, что второй подвид конституционного определения не декларирует монарха как главу государства (за исключением Конституции Люксембурга, ст. 33).

Все европейские монархии конституционно представлены как единоличные. Исключение представляет Андорра, где функцией главы государства наделяются двое соправителей (ст. 43), выражающих двойной суверенитет в отношении Андорры со стороны Франции и епископа Урхельского, но и здесь доминирование парламентских институтов допускает временное нефункционирование одного из соправителей при признании правомочности действий второго [10].

За исключением отмеченного своеобразия института главы государства Андорры и выборной пожизненной теократической монархии Ватикана, все иные европейские монархии наследственные. В конституциях Лихтенштейна (ст. 2), Монако (ст. 2), Норвегии (ст. 1) это составляет часть исходного определения государственного строя, хотя в последней не является абсолютным условием. Престолонаследие во всех без исключения наследственных монархиях основано на династическом начале. Конституции монархических государств содержат поэтому, как правило, достаточно подробные и юридически специальные правовоположения (или даже целые разделы), посвященные определению династии и принципов престолонаследия.

Конституирование принципов престолонаследия - не только объяснимо важный элемент монархии. В конституционной позиции по этому вопросу - один из ключевых моментов в понимании сущности современной монархии в целом и ее отношения к «монархическому принципу», а также одно из показательных свойств парламентской монархии. За исключением Конституции Норвегии, где династия не персонифицирована, остальные, как правило, утверждают право наследия престола строго за определенными династиями и даже ветвями династий: в Бельгии - за саксе - кобургской, начиная с Леопольда I (ст. 85), в Великобритании - за ганноверской/виндзорской, начиная с Вильгельма и Марии (Act of Settlement, 1701), в Дании - за ветвью шлезвиг-гольштейнской, начиная с потомков Христиана X (Закон о престолонаследии, ст. 1), в Испании - за ветвью дома Бурбонов с короля Хуана-Карлоса I (ст. 57.1). В большинстве случаев династия была как бы конституционно первоопределена заново и с подразумеваемым разрывом всей исторической линии династий и принятых в них принципов престолонаследия, а сами эти изменения осознанно были сопряжены с принятием конституционных актов, закладывавших основы новых монархий (в Бельгии - первой Конституции 1831 г., в Дании - Конституции 1915 г. и т.п.) [8].

Таким образом, в важнейшем вопросе своей преемственности монархии были связаны с той или иной формой конституционного соглашения с нацией или условной выборностью.

Напротив, конституционные акты так называемых малых государств Европы однозначно устранились от вторжения общегосударственным законом в принципы престолонаследия, объявляя их подчиненными собственным «законам правящего княжеского дома» (Конституция Лихтенштейна, ст. 3) или исторической традиции рода правителя (Конституция Люксембурга, ст. 3; Конституция Монако, ст. 10, и др.).

Принципы престолонаследия в новых монархиях в целом укладываются в рамки известных исторических систем престолонаследия. В Бельгии (ст. 85 и IX.I. абз. 2) принята салическая система - с переходом престола только по мужской линии на основе первородства и при безусловном исключении женщин. В Люксембурге, Лихтенштейне, Монако, Нидерландах сохранена историческая австрийская система - с наследованием мужчинами по праву старшинства при возможности перехода престола к женщинам в случае пресечения мужской линии. Наконец, в крупнейших парламентских монархиях (Великобритании, Дании, Испании, Норвегии) конституирована кастильская система, основанная на предпочтении мужчин женщинам только в пределах одной линии. Новейшие поправки в Акт о престолонаследии Швеции (§ 1) сформировали там совершенно особую вариацию системы передачи прав на престол - с уравнением прав мужчин и женщин при соблюдении принципа первородства, тем самым введя в престолонаследие начало, характерное, скорее, для современного избирательного права в отношении главы государства [17].

Одним из краеугольных начал публично-правовой доктрины всех, включая монархические, европейских государств и, соответственно, конституционной

позиции с момента формирования современной государственности стал принцип народного суверенитета. В соотношении с институтом монархии это нашло выражение в том, что в подавляющем большинстве конституций смена монарха (то есть реализация престолонаследия) сопряжена с той или иной формой выраженного и обязательного согласия парламентских институтов. За исключением Великобритании, не реализуется, в частности, один из кардинальных для подлинного «монархического принципа» элемент подразумеваемой непрерывности власти монарха - *Le Roi est mort, vive le Roi*. До принесения присяги нового монарха перед представительными институтами престол прямо считается вакантным либо такая присяга означает факт вступления на престол. Ни одна из конституций даже не упоминает ранее столь юридически существенной процедуры коронации. Во вторую очередь, это сопряжение отражается на самих принципах престолонаследия. При отсутствии наследников согласно признанной конституциями системе и линии, царствующий монарх вправе выбрать преемника только при согласии представительного органа либо, в случае полного пресечения династии, представительный орган сам вправе избрать наследника престола. Под контроль представительных органов полностью поставлен институт регентства - в случае несовершеннолетия наследника или иных обстоятельств. В так называемых малых государствах (Лихтенштейн, Люксембург, Монако) сохранена традиционная самостоятельность монарха в этих вопросах.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ МОНАРХА

Раздел 2.1 Требования к личности монарха

Еще одним выражением указанной доктринальной взаимосвязи стало наличие в конституциях большинства государств - и прежде всего тех, где господствующей или прямо официальной религией признана та или другая вариация протестантизма, - ряда безусловных требований к личности монарха, без соблюдения которых его право на престол либо объявляется ничтожным, либо не реализуется. Наиболее детализированы эти требования в Конституции Норвегии, согласно которой Король обязан поддерживать евангелическо-лютеранскую религию (ст. 4), проживать в государстве не менее шести месяцев в году (ст. 11), не имеет права принять корону другого государства без согласия Стортинга (ст. 11, абз. 2). Сходный перечень условий содержат конституции Дании (ст. 5, 6), Швеции (Акт о престолонаследии, § 4). Прототипом и в известной мере образцом конституирования таких условий стал английский Act of Settlement 1701 г., согласно которому монарх Великобритании не может не исповедовать англиканской религии, выезжать из пределов своих королевств без согласия Парламента, использовать свой статус для защиты прав на иную корону (ст. II).

Еще более широко представлено в конституциях крупных современных монархий требование к реальному или возможному наследнику престола не вступать в брак без разрешения царствующего монарха или даже парламента. Нарушение требования приравнивается либо к отречению от престола, либо к потере прав на него в будущем. Тем самым формирование института царствующей фамилии поставлено также под контроль не только правящего монарха (что традиционно), но и представительных институтов. Показательно, с другой стороны, что конституционное право Лихтенштейна, Люксембурга, Монако не содержит подобных регламентаций. По аналогии с общей гражданской дееспособностью или с требованиями пассивного избирательного права (либо даже с повышенным возрастным цензом - как в Швеции: 25 лет) в конституциях решается вопрос о возрасте совершеннолетия монарха: от 18 до 21 года. Тогда как исторически в интересах престолонаследия устанавливался, напротив, пониженный (сравнительно с общей частноправовой дееспособностью) возраст совершеннолетия монарха [15].

Не следует полностью отрицать неразделенную государственную власть, т.е. абсолютную монархию. История развития государственности указывает на то, что у власти, организационно осуществляемой единым органом/лицом, существует ряд неоспоримых достоинств. Она, например, обеспечивает оперативность решения любых возникающих проблем; персонализирует ответственность («неограниченный» монарх отвечает порой самой своей жизнью) и исключает возможность перелгать вину за свои ошибки на других; делает бессмысленной «перетягивание каната» компетенции и полномочий

между различными субъектами и уровнями властвования. Еще Гегель указывал, что «государственная власть должна быть сосредоточена в одном центре, который принимает необходимые решения и в качестве правительства следит за проведением их в жизнь».

И все же, несмотря на определенные достоинства объединения всей полноты власти в одних руках, ясно, что существуют не менее весомые недостатки данной модели властвования. Основной порок сосредоточения власти в одних руках (например, как идеал «просвещенного монарха») - тенденция к диктатуре. Поэтому идея разделения государственной власти как противовес, превентивная мера появлению диктатуры неизбежно возникла в умах государствоведов [22].

Борьба с феодальной монархией, где государственная власть отождествлялась с личностью монарха (сюзерена), окруженного феодальной знатью, не могла быть эффективна без идеологической поддержки. Новое сильное третье сословие - буржуазия, которое претендовало на власть, создало и идейную основу своей борьбы. Так, в трудах Дж. Локка (1682-1704) сформулированы три основных прирожденных права личности, которые должны гарантироваться государством: право на жизнь, право на свободу и право на собственность.

Раздел 2.2 Статус монарха

Наиболее показательной характеристикой монархии согласно конституциям европейских государств - и, соответственно, исходной «точкой отсчета» в определении сущности и объема ее конституционной роли - является установление безусловно подзаконного статуса монарха и его деятельности. За исключением Основного Закона Ватикана, все другие конституционные акты определили либо обязательность присяги монарха в соблюдении им конституции и законов своего государства, либо прямую зависимость полномочий монарха только от предписаний конституции и законов. В ряде случаев эта обязательная для конституционной монархии характеристика дополнена специальными условиями. Так, согласно Конституции Испании Король обязуется «исполнять и защищать» Конституцию и законы, а также «уважать права граждан и автономию сообществ» (ст. 61.1), Конституция Нидерландов обязывает монарха «добросовестно исполнять полномочия», возложенные на него (ст. 32). Конституция Нидерландов оговаривает, что даже управление королевским домом должно осуществляться «с учетом общественных интересов» (ст. 41) [3].

Одним из частных следствий общего подзаконного статуса монарха стало практическое исчезновение из публично-правовых отношений такого показательного института, как присяга подданных монарху (сохраняется только конституционным правом Лихтенштейна - ст. 13, и для народных представителей - Нидерландов, ст. 54 Конституции 1972 г., Люксембурга, ст. 57, абз. 2).

В большинстве европейских монархий под общую власть закона (а тем самым - представительных органов) поставлена финансовая обособленность

монарха, которая способна составить социальную опору самостоятельности его власти. Исполнение монархом государственной функции конституционно обеспечивается в виде гражданского листа. В зависимости от национальной традиции гражданский лист определяется или на срок правления очередного монарха, или ежегодно. В последнем случае обеспечение государственной деятельности монарха уже ничем не выделяется из государственного бюджета страны в целом. (Конституция Андорры прямо говорит о «бюджетных дотациях» - ст. 47; Конституция Швеции вообще не специализирует в госбюджете содержание главы государства) [5].

В ряде случаев оговаривается обеспечение законом и содержание королевской фамилии (Великобритания, Дания, Нидерланды). Напротив, в Лихтенштейне, где установлен совместный с представительным органом контроль князя государственной казны, и в Монако конституции не вторгаются в регулирование имущественного положения монархии, признавая (как в Конституции Монако, ст. 34) его подчиненным собственным статутам княжеского дома. Только Конституция Нидерландов оговаривает налоговый иммунитет имуществ монарха (ст. 40.1), который составляет одну из существенных частей королевской прерогативы вообще.

Первым из важнейших следствий общего подзаконного статуса монарха становится резкое ограничение его законодательной роли - вплоть до установленного конституциями полного неучастия в делах законодательства. Однако в характеристике законодательной роли монарха спектр конституционных вариантов несколько шире.

Согласно Основному Закону Ватикана (единственному в этом отношении) за правителем сохранена полнота законодательной власти (ст. 1), хотя и делегированной особой комиссией; это характерно для монархии абсолютной. Более сложный вариант конституционно-правового отношения составляет наделение по конституции монарха и парламентского органа совместными законодательными полномочиями. Эти совместные полномочия могут подразумевать реальное участие монарха в делах законодательства. Таковыми несомненно являются законодательные полномочия монарха (характерные именно для конституционного монарха) в так называемых малых государствах Европы: одобрение монарха определяет судьбу закона, вследствие чего он подписывает и обнародует законы, монарху принадлежит законодательная инициатива (причем по Конституции Монако - в качестве княжеской прерогативы) [12].

Внешне сходными являются законодательные полномочия монарха в Бельгии, Великобритании и Дании: конституционно декларировано, что монарх осуществляет законодательную власть совместно либо, как в Великобритании, корона считается составной частью парламента. На монарха в этих странах возложено полномочие утверждать и обнародовать законы (Конституция Дании предоставляет монарху также право непосредственной законодательной инициативы - ср. ст. 21), но уже без реального влияния на содержание законодательного предположения.

Формально волеизъявление монарха юридически полномочно предопределить судьбу принятого парламентарным органом законопроекта. Однако реальность конституционно-правовых отношений здесь в большей мере определяется политически. Так, при номинальном сохранении за британским монархом права законодательного вето на решения парламента, фактически оно не применялось с 1707 г., чем сформировался конституционный обычай, предполагающие обязательное согласие монарха на решения парламента. Равным образом в Дании такое право вето, косвенно предполагаемое и ныне действующей Конституцией 1953 г., применялось лишь в 1842 и 1844 гг. Тем самым полномочия монарха становятся латентными, скрытыми и политически номинальными, хотя потенциально он сохраняет возможность законодательного вето: конституционно не оговорена судьба законопроекта, если монарх не утверждает его в назначенный срок (например, в Дании - в течение 30 дней).

Третий вариант представляет признание отдельных законодательных полномочий монарха и парламента. Фактически их содержание аналогично варианту «скрытых» полномочий: монарху предоставляется право утверждения и обнародования принятых парламентом законов с неприменяемым или невозможным отлагательным вето. По сути, в этом случае монарх выполняет ту же функцию, что и глава государства при парламентарско-президентском строе. (Что соотносится с характерным для парламентарских монархий общим конституционным определением монарха только как главы государства.) Наконец, четвертый вариант характеризуется полным и декларированным отстранением монарха от участия в законодательном процессе: согласно конституции Швеции парламентарный орган есть единственный представитель законодательной власти, монарх не участвует ни в законодательной инициативе, ни в утверждении законов [13].

Вторым из принципиальных следствий рассмотренного выше общего подзаконного статуса монарха стало существенное ограничение роли монарха в пересмотре конституции.

Только конституции Бельгии (ст. 195, § 3) и Монако (ст. 94) - опосредованно выразившие традицию французской конституционно-правовой доктрины с присущим ей пониманием роли главы государства как условного суверена - установили, что пересмотр конституции может быть предметом согласованного решения монарха и парламента. Фактически это подразумевается и Конституцией Андорры (ст. 105-107). В остальных из крупных парламентарских монархий конституционные акты (даже если для монарха оговаривается специфическое право законодательной инициативы в этом вопросе - см. Конституция Нидерландов, ст. 137-138) могут быть пересмотрены или видоизменены без всякого участия монарха.

Полномочие издания собственных законодательных актов сохранено за монархом в тех конституциях, где значителен пласт конституционных правоположений XIX в., и лишь факультативно: при условии соответствия конституции, по ограниченному кругу вопросов и, главное, только в качестве временной меры - до утверждения или отклонения ближайшей сессией

парламентского органа. Прочие конституции такой возможности даже не подразумевают.

Как видно, помимо номинального (или реального) полномочия утверждения и обнародования законов другие проявления законодательной функции монарха фрагментарны либо лишены определяющего значения.

Более сложной является картина участия монарха в отправлении исполнительной власти - второй из определяющих характеристик реализации безусловного для современных европейских конституций принципа «разделения властей». Примерно в половине конституций содержится общая декларация о главенстве монарха в отправлении исполнительной власти. Однако эти декларации не предрешают существа подразумеваемых полномочий в данной сфере. Конституции Дании (ст. 3), Лихтенштейна (ст. 10), Монако (ст. 3) и Норвегии (ст. 3) однозначно вверяют монарху полноту исполнительной власти, но только в двух последних государствах монарх реализует ее непосредственно. В Бельгии и Люксембурге декларации о предоставлении монарху исполнительной власти оговорены «пределами конституции и законов», то есть только в подразумеваемых или перечисляемых прямо конституциями полномочиях. Очевидно, что полномочия в сфере исполнительной власти конституционная доктрина определяет как следствие общей делегации монарху народного суверенитета, - иными словами, формально они являются полномочиями главы государства. Именно в этом качестве понимается позиция монарха по отношению к исполнительной власти в конституционных актах Андорры, Великобритании, Испании, Нидерландов, Швеции. Прямых положений об участии монарха в исполнительной власти здесь нет, но конкретная организация институтов правительственной и административной деятельности предполагает номинальную санкцию с его стороны [4].

Таким образом, сущность функции монарха в сфере исполнительной власти может быть понята лишь посредством его конституционно-правовых отношений с конкретными правительственными институтами. И лишь Конституция Норвегии, сохраняя характерные для ранних конституционных монархий Европы установки, раскрывает в конкретных правоположениях содержание исполнительно-властной деятельности монарха: монарх сам назначает правительство (Государственный совет), сам распределяет дела между членами правительства, вправе увольнять их по собственному усмотрению (ст. 12-14, 22), а также санкционирует назначение и увольнение, с некоторыми ограничениями, всех прочих государственных служащих (ст. 21-22), обеспечивает соответствующую официальному вероисповеданию религиозную политику в государстве (ст. 16), правительственную деятельность в хозяйственно-экономической и финансовой сферах (ст. 17-18), управляет государственными имуществами (ст. 19). Осуществление ряда наиболее общественно значимых правительственных полномочий оговорено согласием парламента (ст. 17, 19) и особыми взаимоотношениями с правительством, которые предусматривают ряд условий, равно общих и для всех других конституций.

Центральным вопросом конституционных отношений в сфере исполнительной власти объективно становится, таким образом, организация правительства и форма участия в этом монарха.

Структура политических взаимоотношений парламентарной монархии изначально предполагает определяющую роль народного представительства в организации правительства, во-первых, и в контроле за содержанием его политической деятельности, во-вторых. Такая ситуация характеризует конституционный строй, и в особенности реальность конституционно-правовых отношений большинства европейских монархий, хотя собственно конституции формально решают вопрос по-разному. Действуя в качестве главы государства, монарх может только оформлять юридически факт образования правительства, которое предварительно избрано представительным органом или связано конституционно обязательным вотумом доверия со стороны парламента; при этом варианте монарх стоит вне правительства и никак организационно не взаимодействует с его работой и политикой (по Конституции Швеции Правительство вообще чисто парламентское и организуется парламентом) [10].

Почти столь же распространен конституционный вариант, когда монарх номинально возглавляет правительство из назначенных им министров, вправе увольнять министров, реорганизовывать высшие правительственные институты без всякого правового участия парламентских институтов; однако в дальнейшем такое правительство или прямо признается ответственным перед парламентом (как в Люксембурге - ст. 80-81 Конституции), или подразумевается с ним взаимодействующим (Конституция Дании, ст. 32.2), или в своей политической деятельности связано традицией (существующей в виде конституционного соглашения) представлять интересы парламентского большинства (Великобритания). В последнем случае парламентское правительство вообще юридически как бы не существует, составляя часть королевского так называемого Тайного совета, правительственная роль которого гарантирована конституционно, что, впрочем, составляет показательную особенность конституционного строя именно Великобритании. В Испании непосредственная возможность Короля председательствовать в Правительстве оговорена специальным приглашением его главы (ст. 62).

Вне общих рамок конституционно-правовых принципов парламентской монархии находится организация правительства в Лихтенштейне и в Монако. Здесь правительство назначается монархом и ответственно перед ним (в Лихтенштейне - перед Князем и Парламентом совместно). Монарх вправе направлять и организовывать правительственную деятельность, включая издание указов, ордонансов и т.п. в порядке верховного управления. Однако только в конституционном строе Монако организация Правительства не сопрягается с установлением двух важнейших начал, определяющих юридические и реальные политические взаимоотношения монарха и правительства, - принципа безответственности монарха и связанного с ним правила обязательной контрасигнатуры его правительственных решений министрами.

Установление принципа безответственности монарха во взаимосвязи с правилом контрасигнатуры было еще одной исторически ранней формой конституционного подчинения правительственной деятельности, номинально или даже фактически возглавлявшейся монархом, контролю со стороны парламента или иного представительного органа. В конституционных актах, например, Великобритании (первой, вместе со Швецией, ставшей на этот путь), правило обязательной подписи министра на документе правительственного значения (с возложением тем самым политической и юридической ответственности за этот документ на него, а не на монарха, пусть даже подписавшего документ) фиксируется с 1701 г. Наиболее категоричное выражение это правило, присутствующее практически во всех конституциях, обрело в Конституции Бельгии: "Никакой акт Короля не имеет силы, если он не контрасигнован министром" (ст. 106).

Контрасигнатуре безусловно подлежат любые нормативные акты, издаваемые от имени монарха, нередко - назначения на административные должности. Тем самым где прямо, где опосредованно создается форма парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти и взаимодействия политики правительства и линии парламента, который, в свою очередь, вправе потребовать отставки правительства, отстранения министра от должности или даже возбуждения уголовного преследования в отношении министра [16].

Попутным, но не менее существенным следствием этого узла конституционно-правовых отношений стало специальное оговаривание в конституциях невозможности для монарха (при сохранении за ним, впрочем, права помилования) освобождать от ответственности своих министров либо вообще, либо без согласия парламента. Это является как бы конституционной «компенсацией» личной безответственности монарха, которая напрямую не декларирована только в конституциях Испании, Лихтенштейна и Норвегии (в конституциях Люксембурга, ст. 4, и Монако, ст. 3, принцип представлен позитивно - через установление неприкосновенности Князя). Правило контрасигнатуры принципиально важно не только для понимания конституционной сущности чисто правительственной функции монарха; оно становится практическим ограничителем возможностей монарха по реализации и ряда иных конституционных полномочий - имея в виду деятельность парламента, вооруженные силы государства, международные отношения и т.д.

Во взаимоотношениях монарха с парламентарным органом своей страны большинство конституций исходят из начала неподконтрольности народного представительства в его организационной и политической деятельности. Только конституции Монако (ст. 46, 74), Люксембурга (ст. 74) и Лихтенштейна (ст. 48, ч. 1, ст. 54-55) установили безусловное право монарха на роспуск парламентарного органа (в Лихтенштейне - с оговоркой в отношении выраженной воли народа, то есть референдума). В остальных конституциях это право монарха выражено либо чисто номинально, либо обставлено существенными оговорками (с условием обязательных новых выборов в установленный конституцией срок, при согласии правительства, только в

случае необразования парламентом правительства и т.п.). Действуя в качестве главы государства, монарх декларирует открытие и закрытие сессий парламента, подписывает акты парламента, иногда может продлевать сессии или назначать чрезвычайные собрания. Но наряду с этим конституции подразумевают (или прямо устанавливают) как бы юридическую необязательность этих действий монарха либо нереализуемость его действия вопреки интересу парламента - последнее, как правило, посредством того же правила контрасигнатуры, необходимого для практически административного вмешательства главы государства в работу парламента. Поэтому, в частности, право роспуска палат монархом, даже признанное конституционно, на практике реализуется весьма особо, создавая новую реальность конституционно-правовых отношений. В Швеции монарх даже в качестве главы государства вообще не имеет влияния на созыв, роспуск. Риксдага: все эти функции выполняет Правительство [7].

Некоторую важную особенность сохраняет конституция Великобритании: номинально монарх вправе распустить Парламент в любой момент, без его участия в открытии сессии и произнесения речи с программой Правительства парламента как бы не считается законным; монарху принадлежит право утверждения омбудсмена (с 1967 г.). Однако конституционный обычай не допускает самостоятельности подобных действий монарха, а практическая реализация опять-таки сдерживается правилом контрасигнатуры и избирательными законами.

Сходным сочетанием конституционных дозволений и сдержек, в том числе практически-юридического свойства, характеризуются полномочия монарха в сфере военной политики и международных отношений, которые сохраняются за ним традиционно либо как за главой государства. За исключением Андорры и Швеции, конституции полагают монарха как верховного главнокомандующего вооруженными силами страны. Монарх вправе производить назначения на военные должности, присваивать воинские звания и т.п. Однако использование вооруженных сил оговорено или согласием парламента (как в Великобритании, Дании), или наличием специального законодательства. Самостоятельное решение монарха в этих вопросах сдерживается, помимо иного, тем же правилом контрасигнатуры. В практике реализации конституционных правомочий формируется нередко противоположное общим декларативным правило: так, в Великобритании номинально все назначения на военные должности и присвоение званий производится от имени короны, но реально с 1860-х гг. монарх, как правило, не подписывает приказов по военным ведомствам и патентов на чины. Полнота военной власти монарха подразумевается (специальных постановлений на этот счет нет) только конституциями Лихтенштейна и Монако, исходя из закрепленной за князем исполнительной власти или специально оговоренной обязанности принимать меры по безопасности страны.

Внешнеполитическая функция монарха во всех практически конституциях выражается в трех полномочиях: подписывать и денонсировать международные договоры, объявлять войну и заключать мир, назначать дипломатических

представителей своей страны и аккредитовать при своей особе дипломатических представителей других государств. Лишь по Конституции Монако это право Князя безусловно: он единолично представляет государство в международных отношениях и только извещает Народное собрание о международных соглашениях (ст. 13-14). Без участия соправителей невозможны международные соглашения по Конституции Андорры (ст. 45h, 66, ч. 3). В остальных случаях монарх действует только номинально, в качестве главы государства, подписывая или денонсируя договоры по решению парламента (Конституция Дании, ст. 19, ч. 1; Конституция Нидерландов, ст. 96, ч. 1; Конституция Норвегии, ст. 26), либо по предусмотренным конституцией основаниям (Конституция Бельгии, ст. 167, § 5; Конституция Испании, ст. 63, ч. 2), либо при участии правительства, причем государственно-существенные вопросы (уступка территории, государственные обязательства и т.д.) также предполагают согласие представительных институтов (Конституция Лихтенштейна, ст. 8). Эти же ограничения действительны и при решении вопросов о войне и мире.

Особенности национальной конституционно-правовой традиции могут отражаться разве что в том, что указание монарха об использовании вооруженных сил при обороне страны действительно и без предварительного согласия парламента (Великобритания, Дания). Параллельно конституциями изредка оговорено право монарха на объявление военного положения в стране, но в соответствии с законами, существующими на этот счет (Конституция Бельгии, ст. 167, § 1). В большинстве же монархических государств объявление военного или чрезвычайного положения входит в компетенцию правительства, а издание монархом нормативных указов в течение военного положения подчинено общим нормам об издании временных законов, если таковые допущены конституционно [3].

При решении вопросов о взаимоотношениях с парламентом, законодательной инициативе монарха, вопросов войны и мира, заключения договоров и др. конституции ряда государств предусмотрели посредствующую роль высших совещательных органов правительственного значения: Государственного совета в Дании (ст. 17), Совета Короны в Монако (ст. 75-77), Государственного совета в Норвегии. В Монако это особый консультационный орган, образуемый на паритетных началах Князем и Парламентом. В Дании и Норвегии Государственный совет - исторически сложившаяся расширенная форма деятельности того же правительства, возглавляемая монархом, с участием наследника престола, других лиц.

Важнейшая составляющая особого статуса монарха и едва ли не самое показательное из проявлений «монархического принципа» прежнего государственного права - королевская прерогатива - представлена современными конституциями в крайне ограниченном виде полномочий, во-первых, и при подчинении наиболее существенных из них закону, во-вторых. Право монарха на чеканку монеты (выпуск денежных знаков) и все, что с этим связано, только в Конституции Люксембурга декларировано без оговорок (ст.

39). В иных случаях это право реализуется только в силу закона (Конституция Дании, ст. 26).

Из иных составляющих прерогатив сохранены лишь права монарха на пожалование дворянства и на пожалование титулов, орденов, наград, причем иногда оговорки о подзаконности присутствуют и здесь (Конституция Испании, ст. 62). По существу же эти пожалования (в связи с упразднением связанных с дворянством, орденами, титулами и т.п. привилегий в гражданском праве государств) в современных условиях превратились в вариант почетных званий или государственных наград (за исключением, пожалуй, Великобритании), которые монарх присваивает от имени государства. Только назначения на должности своего двора и организацию двора конституции оставляют в полномочном распоряжении монарха (Конституция Андорры, ст. 46), однако реально королевский двор, со своими отношениями с правительственными учреждениями, в качестве государственной институции сохраняется только в Великобритании и, с оговорками, в Монако [10].

Современные конституции полностью лишают монарха участия в судебной власти. Единственно в Ватикане правитель декларируемо наделен судебной властью (ст. 1 Основного Закона), а также назначает всех судей своего государства (ст. 10), сохраняя за собою верховные права помилования, смягчения наказаний и т.д. (ст. 18). В Монако судебная власть номинально сохранена за Князем, который конституционно делегирует ее судам (ст. 88). Во всех других монархических государствах судебная власть конституирована как полностью самостоятельная, в организации и отправлении которой монарху места нет. Даже если за монархом сохранено право назначения судей, эти назначения производятся пожизненно, то есть без возможности в дальнейшем оказывать разовое влияние на действия суда (Конституция Нидерландов, ст. 117, ч. 1). В полномочиях монарха сохраняется только право помилования преступников и смягчения наказаний (Конституция Монако, ст. 15). Но нередко (например, в Монако, Нидерландах, Норвегии) и эта прерогатива монарха обставлена необходимостью либо предварительного ходатайства суда, либо рекомендаций правительства или парламента. Хотя в общем судебная власть в стране осуществляется от имени монарха. В силу особенностей конституционной традиции, иногда за монархом оставлено право направления обвинений в высшую судебную инстанцию страны (Конституция Дании, ст. 60, ч. 2).

В малых государствах Европы конституционно сохранилось участие монарха в организации высшей судебной власти: назначение состава высших судов при согласии парламента, утверждение председателя высшего суда, назначение судей так называемого административного трибунала и, частично, конституционного суда [12].

Очевидный процесс замещения в целом реальных конституционных полномочий монарха номинальными, переключение его компетенции с политического правления страной на "права ободрять, предостерегать, поощрять" (как охарактеризовал полномочия английского монарха еще У. Бэдждот) вызвал к жизни новое доктринальное представление об особой

функции монарха, не связанной с собственно отправлением государственной власти. Это представление нашло отражение в некоторых из современных конституций. По новой доктрине, монарх - прежде всего «символ единства и гарант национальной независимости», а также «арбитр и гарант стабильной деятельности публичных властей» (Конституция Испании, ст. 56.1). В наиболее доктринально детализированном виде эти представления нашли выражение в Конституции Испании, где помимо указанных положений декларирована особая функция монарха как хранителя исторической целостности отношений государства-метрополии с бывшими колониями и хранителя государственного единства в условиях конституционного признания

Декларирование (или признание) особой идейно-символической функции монарха имеет значение, минимум, для двух направлений его политической роли. Монарх выступает как гарант государственного порядка в интересах нации в целом в условиях ситуативного обострения борьбы политических партий или даже социальных классов, отражающегося на государственных институтах: как воплощение единства государства в условиях его федерализации или автономизации (Испания, Нидерланды), включая вызывающие сходные тенденции государственное многоязычие страны, или как символ особой межгосударственной общности в рамках международных отношений стран - бывших империй (Великобритания, Испания).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно-систематический анализ функций и полномочий, которыми характеризуется институт монархии в современных европейских государствах, показывает, во-первых, наличие в них двух существенно различающихся пониманий этих функций и полномочий (очевидно взаимосвязанных с различными типами государственной формы вообще), и во-вторых, наличие несколько большего числа доктрин, взаимодействующих с национальными особенностями государственно-политической жизни и собственно конституционной регламентации.

Общей особенностью правополагания института монархии практически во всех европейских монархиях является то, что государственные полномочия монарха, его участие в отправлении государственной власти вообще регламентируются с позиций конституционных дозволений и сдержек, подобно иным, в частности, представительным институтам, но не путем правовой детализации статуса и функции, имманентных понятию монархии и содержанию «монархического принципа».

Несмотря на то, что полномочия, признаваемые за монархами большинством европейских конституций, многообразны, существенны, хотя не решающий в делах власти и, как правило, исчерпываются чисто декоративными функциями (за каким-нибудь единственным исключением), однозначно определенная оценка их статуса невозможна и, во всяком случае, наталкивается на проблему государственно-правового критерия: какая совокупность прав и иных условий присутствия в конституционных отношениях необходима и достаточна для признания подлинной, а не номинальной монархичности формы государства? В особенности потому, что политически и социологически очевидно: «Истинные короли исчезли - одни за другими».

Критерий единовластности в сочетании с совокупностью значимых государственных полномочий определяющим быть не может. Современные президентские республики во многих случаях предполагает намного большее юридически и политически реализуемое сосредоточение государственной власти в руках одного президента, который, опираясь на особые плебисцитарные формы избрания, способен приобрести преобладающее среди иных институтов значение в государстве - настолько, что его власть (например, во Франции) небезосновательно сопоставляют с монархией, и не всегда в пользу последней.

По-видимому, кардинальные отличия монархии от иных форм монархического правления (и, соответственно, вариантов государственного устройства) связаны, как было отмечено одним из старых германских государствоведов, с постулированием в государственно-правовых отношениях наличия собственного права монарха, не подвластного в том числе непосредственному конституционному регулированию. Иначе все, даже самые объемные и нелимитированные государственные полномочия монарха

означают лишь полномочия, делегированные ему иной, потенциально вышестоящей властью.

По отношению к конституционному восприятию «собственного права монарха» наиважнейшим можно полагать регламентирование принципов престолонаследия, порядка смены престола и т.п. Включение этих принципов в общую подзаконную сферу, тем более увязывание престолонаследия с той или иной формой выраженного согласия органов народного представительства, ранее прочего означают отказ от кардинального элемента «монархического принципа». В этой связи лишь конституции Лихтенштейна и Монако сохранили признание собственных законов княжеских домов, не вторгаясь конституционно в их содержание. В сочетании с другими особенностями конституционного оформления полномочий правителей - от участия в законодательстве до контроля судебной власти - это позволяет расценивать конституционный строй названных государств как единственных в Европе, отчетливо сохраняющих монархический принцип в виде конституционной монархии.

Статус монарха во всех иных европейских государствах ничем существенно не отличается (по государственным функциям и по объему конституционных полномочий, по взаимодействию с иными государственными институтами и по исходному конституционному определению) от статуса главы государства парламентско-президентских республик. За исключением Великобритании, нигде не существует в качестве государственного института королевский двор, невозможна конституционно одна из важнейших функций нереспубликанского главы государства - роль арбитра между властями государства с подразумеваемыми конституционно путями реализации этого политического арбитража. Отошел в прошлое и столь важный аспект государственно-правового существования монархии, как ее особое идейно-правовое восприятие персоны монарха и тем более его прерогатив, - то, что иногда обозначают как «магию монархии». Именно такой статус характерен для парламентской монархии и конституирован в большинстве крупных государств: Бельгии, Дании, Испании, Люксембурге, Нидерландах, Норвегии. Швеция в этом ряду заняла совсем особое место, поскольку конституционные реформы 1974-1979 гг. в ней преобразовали монархию в номинальное обозначение главы государства без каких-либо властных полномочий. Особое место в этом ряду - но в принципиально другом отношении - занимает Великобритания, поскольку сложившаяся исторически конституция (в сочетании с рядом других, выше отмеченных элементов) сохраняет за монархией потенциальные функцию и полномочия, выходящие за рамки парламентской монархии, но не реализуемые в силу особенностей текущих конституционно-правовых отношений. Равным образом расширенное представление о государственных полномочиях монарха, присутствующее в конституциях Дании и Норвегии, составляет своеобразие только конституционной доктрины, обусловленной исторической традицией конституционного регулирования, в рамках государственного типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева, Г.Н. Конституционная терминология и основные понятия, связанные с институтом монархии // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
2. Баглай, М.В. Конституционное право // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
3. Баглай, М.В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для К65 вузов / М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. – Москва: Норма, 2004. – 832 с.
4. Гачек, Ю.А. Общее государственное право // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». – Посл. обновление 02.02.2010 г.
5. Григонис, Э.П. Конституционное право зарубежных стран / Э.П. Григонис, В.П. Григонис, – СПб: Питер, 2007. – 208 с.
6. Конституция Дании (Электронный ресурс) / Информационный портал “Конституции государств (стран) мира”. Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=152>
7. Конституция Норвежского Королевства (Электронный ресурс) / Информационный портал “Конституции государств (стран) мира”. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=142>
8. Корсунский, А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
9. Круглов, М.А. Конституционный совет во Франции. Организация правовые аспекты деятельности. – Москва, 1993. – 240 с.
10. Маклаков, В.В. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие В.В. Маклаков. – Москва: Издательство БЕК, 1999. – 584 с.
11. Марченко, Т.М. Теория государства и права // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
12. Мишин, А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебное пособие // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
13. Никитин, А.Ф. Политика и право – Монархия // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
14. Сабитов, Ю.И. Формы правления в современной Европе // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
15. Селютина, Е.Н. Проблемы классификации форм государственного правления в современных условия // Ученые записки Орловского государственного социального университета. – 2013. – No 4. – С. 39 – 42.

16. Сенькова, Т.В. Конституционное право зарубежных стран / Т.В. Сенькова, А.П. Грохоцкий. – Минск, 2013. – 210 с.
17. Страшун, Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник: в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – Т. 1–2: Общая часть. – 2-е изд. – Москва: Изд-во БЕК, 1996. – 778 с.
18. Суворов, В.Н. Институт главы государства: юридическая природа и положение в системе власти // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
19. Сухарев, А.Я. Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник // Справочная правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».
20. Терехова, О.Н. Абсолютная монархия в страна Западной Европы как социально-политическая система // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3-2 (63). – С. 53 – 57.
21. Чиркин, В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт/В.Е. Чиркин. – Москва, 1998. – 477 с.
22. Чиркин, Е.В. Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие / Е.В. Чиркин. – СПб: Юристъ, 1997. – 561 с.